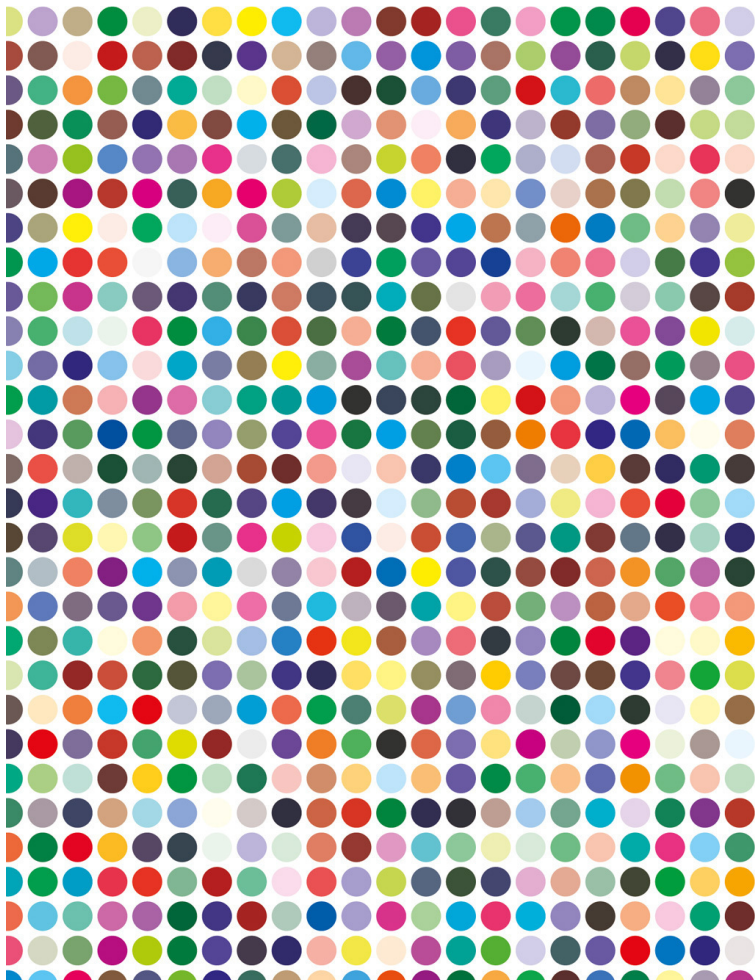

Феминизмы

ВСЕМИРНАЯ
ИСТОРИЯ

ЛЮСИ
ДЕЛАП

Люси Делап Феминизмы: Всемирная история

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69870451

Феминизмы: Всемирная история: Альпина нон-фикшн; Москва; 2024

ISBN 9785002231591

Аннотация

Феминизм призван объединить под своими знаменами и идеями добрую половину человечества. Задачи ставятся исключительно амбициозные и гуманные – противостоять гендерной несправедливости во всех ее уродливых формах. Но те 250 лет движения, которые анализирует в своей книге историк Люси Делап, показали, что все не так просто – сообщество феминисток неоднородно, задачи и цели на разных исторических этапах могут не просто меняться, но и входить в драматическое противоречие друг с другом, а проблемы женщин из разных социальных, этнических или религиозных слоев часто настолько отличаются, что без дискуссий невозможно прийти к согласию.

На всем земном шаре переживало расцвет женское образование, расширялся доступ (или даже принуждение) женщин к трудоустройству, а распространение велосипедов принесло новую свободу и новые страхи, воплощенные

в образе оседлавшей велосипед. новой женщины. в блузке – реформированном женском костюме.

Но восторг от пикетов, поднятых феминистками в знак победы, поутих, когда из слов владельца заведения стало ясно, что стремление к равенству полов им руководило в меньшей степени, чем страх перед мужским насилием.

Содержание

Введение	9
Время феминизма	21
Глобальная перспектива	29
Теория, практика и применимость	41
Глава 1. Мечты	47
Ле́диленд и Её-ленд	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Люси Делап

Феминизмы:

Всемирная история

Переводчик *Илья Кригер*

Научный редактор *Элла Россман*

Редактор *Лев Данилкин*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *З. Скобелкина, О. Петрова*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от то-

го, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

© Lucy Delap, 2020

The author has asserted his moral rights

All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Пабlishер», 2024

* * *

ЛЮСИ ДЕЛАП

.....

Феминизмы

.....

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Введение

В январе 1886 года жительница английской колонии Золотой Берег (нынешняя Гана) прислала в открытую годом ранее местную газету *Western Echo* провокационное письмо:

На наш, африканских дам, счет не только жестоко ошибаются, но и сделали из нас игрушку для всякого белого чиновника, являющегося к нам на Берег... Такие люди нас жестоко оскорбляли и, поскольку мы в ответ промолчали, продолжают безнаказанно оскорблять... У нас хоть лица не белые и не ангельские, мы способны встать на ту же высокую ступень культурного развития, что любая белая дама^[1].

Письмо – красноречивое свидетельство того, что автор переживает из-за грубого обращения со стороны колонистов-европейцев, их недостаточного уважения к ее культуре, оскорблений и безнаказанности колониальных властей по отношению к женщинам. Автор не только испытывает гнев. Она издевательски называет власть белых мужчин *Just Ass* – «херовой» – вместо *Justice*, «справедливой». Ее имя не сохранилось, но ее желание говорить от имени всех африканских женщин привлекает внимание к воображаемому

^[1] *Western Echo* (3 January 1886), cited in Audrey Gadzekpo, «The Hidden History of Women in Ghanaian Print Culture», в Oyeronke Oyewumi, *African Gender Studies: A Reader* (Palgrave Macmillan, 2005), 282.

сообществу африканок. Прямота и осведомленность автора – следствие таких, например, факторов, как уже весьма продолжительное на тот момент существование на Золотом Берегу газет, принадлежавших африканцам, и мировой масштаб женских движений того времени.

1886-й был годом активной колониальной экспансии. Крупнейшие европейские державы наперегонки захватывали земли в Африке и Азии. Это породило жестокий мировой порядок, в рамках которого расовая иерархия и нормы сексуальности стали контролироваться строже; в следующем веке этому порядку бросили вызов радикалы, националисты и антиколониалисты. В то же время на всем земном шаре переживало расцвет женское образование, расширялся доступ (или даже принуждение) женщин к трудоустройству, а распространение велосипедов принесло новую свободу и новые страхи, воплощенные в образе оседлавшей велосипед «новой женщины» в блумере – реформированном женском костюме. Это позволяет нам полнее рассказать о глубоких переменах в осмыслении женщинами своего тела и жизни. Наш рассказ охватывает 250 лет попыток (и до, и после 1886 года) политизировать гендерную несправедливость.

На всех, кто боролся с несправедливостью по отношению к женщинам, серьезно влияли конкретные исторические условия. «Феминистками», «женщинами», «леди», «сестрами» они могли называть себя лишь временно. Их убежде-

ния во многом определялись классовой, кастовой, этнической, религиозной принадлежностью, гражданством, сексуальностью, возрастом. Самоназвание «феминистка» у всех у них – не что-то само собой разумеющееся, оно скрывает очень разные идеи. Кроме того, нельзя называть феминизмом деятельность тех женщин и мужчин, которые не признавали его или прямо его отвергали. Феминизм – удачная отправная точка на пути к лучшему осознанию того факта, что борцы за «права женщин», за «новую женщину», «пробуждение» женщин или их «освобождение» могут иметь общие интересы и тактику. Но я расскажу и о рамках феминизма, его слабых местах и умолчаниях, специфике и сложностях. Даже концепция «женщин» (или, как в XIX веке нередко говорили, *женщиныны*) оказалась противоречивой, а понятие гендера (социокультурной организации биологического пола) стало общепринятым лишь в конце XX века. В своей книге я покажу, какое отношение феминистки и активистки имеют к национализму, различным вероучениям, империализму, утопизму и расизму. Моя цель – вдохновить феминисток, продемонстрировать, как возникают неожиданные связи и переклички между поколениями активистов и эпохами. Однако вдохновение следует соотносить с другой историей, полной конфликтов и противоречий. Феминистские коалиции издавна наталкивались на определенные ограничения, а критическое отношение феминисток к прошлому не всегда легко соотнобразуется с их нынешними попытками

привлечь внимание к гендерной несправедливости, чтобы истребить ее.

Феминизм стремится к созданию союза, который объединил бы более половины человечества. Возможно, история не знает движения столь же амбициозного. Но чего именно хотят феминистки? Все они разделяют тот взгляд, согласно которому быть женщиной означает находиться в неблагоприятном по сравнению с мужчинами положении, а также что с этим положением можно бороться. Однако вытекающие из этого тезиса политические требования сильно различались в зависимости от эпохи и носили множество имен. Феминизм наиболее понятен как многослойный, внутренне противоречивый комплекс действий, проблем и требований, формулирование которых началось в XVIII веке или даже ранее. С течением времени запросы менялись. Столетие назад английская социалистка и феминистка Этель Сноуден назвала феминизм программой обретения чистоты мужчин и женщин посредством усмирения «инстинктивных женских сил, что должно поспособствовать защите расы». Феминистки XXI века едва ли согласятся с подобного рода риторикой, да и неизвестная жительница Золотого Берега выступила бы против расовой политики Сноуден. И все же споры о феминизме, если посмотреть сквозь призму жалоб современных феминисток, обретают удивительную актуальность и историческую глубину. Так, требование Сноуден равного с мужчинами права служить в вооруженных силах резонирует с се-

годняшней трудной борьбой женщин за право участвовать в военных операциях.

Феминистками руководило желание устранить страшную ситуацию, когда женщины не осуществляют контроль за собственным телом, обуславливающую сексуальное насилие и домогательства, нежелательную беременность и постоянное давление мужского взгляда. Они привлекли внимание к бедности женщин, к тому, что их не подпускают к более безопасной и лучше оплачиваемой работе, к их уязвимости в условиях брака или материнства, к их неграмотности. Феминистки указали на подлинную цену отсутствия у женщин законных прав на опеку над своими детьми, принудительного труда, лишения медицинской помощи и прав на землю, беззащитности в условиях войны, оккупации и голода. Ущерб и причиненные гендерным неравенством человеческие страдания неисчислимы. Но феминистская деятельность бывала творческой и вдохновляющей. Активистки создавали союзы и мобилизовывали людей ради перемен. Идеи и мечты воплощались в кампании, акции протеста. Люди находили надежду и справедливость, обретали стойкость.

Часто утверждают, что феминизм как политическое движение достиг своих целей, – но он возвращается с новой силой, когда новое поколение женщин яростно заявляет о своих проблемах. Нынешних активисток глубоко интересует это неоднозначное «слово на "ф"» (*F-word*). При этом многие не знают точно, какое отношение их деятельность

имеет к истории феминизма. Одни признают авторитет таких «праматерей», как Консепсьон Ареналь, Мэри Уолстонкрафт и Фунмилайо Рэнсем-Кути. Другие отвергают опыт прошлого и настаивают на уникальности «своего собственного» феминизма. Двойственное отношение к содержанию феминизма в истории и к самому этому понятию не должно удивлять. Схема из нескольких волн оказалась бесполезной при попытках понять суть проблем истории феминизма. Разговор о четырех волнах феминизма или о таких его разновидностях, как «новый феминизм» или riot grrrl, не всегда адекватно отображает женский опыт. К тому же для многих женщин активизм настолько связан с деятельностью других движений – социалистического, националистического, антиколониального, что сам термин «феминизм» отвергается как слишком спорный, чересчур «евроамериканский», излишне «белый», слишком «буржуазный».

Ниже приводятся известные истории о воинственных суфражистках и их выступлениях, сопровождавшихся битьем стекол, о прославлении радикальными феминистками власти женщин и солидарности. Но я не считаю, что феминизм одинаков всегда и везде. Сквозная тема этой книги – это еще и главный парадокс феминизма: будучи движением, он борется за то, чтобы женщины получили доступ ко всем сферам общественно-политической жизни, и требует радикального преобразования исключаяющих структур. Однако у феминизма имеются и собственные формы маргинализа-

ции, у феминисток не получается охватить всех без исключения женщин. Нередко темнокожие женщины, женщины из рабочего класса, лесбиянки, транс- и бисексуалки, инвалиды, женщины «незападного происхождения» и нехристианки исключаются из «гегемонного феминизма»^[2] (выражение Челы Сандовал). Рассмотренный ниже феминизм, несмотря на его запутанное происхождение, нередко ассоциируется с западной моделью свободы женщины. К голосам тех, кто имел иные корни или преследовал иные цели, не всегда прислушивались, и деятельность феминисток не всегда отвечала их потребностям. Как правило, архивные материалы (если они вообще отражают историю феминизма) излагают версию тех феминисток, которые обладали привилегиями и большим влиянием. Адель Мурдоло заметила: «В архиве феминизма очень мало документов, действительно показывающих конфликтную суть движения, неоднородного в расовом и этническом отношении»^[3].

Иногда считается, что феминистки уже победили – в момент предоставления женщинам избирательного права или же когда первые женщины получили право заниматься врачебной практикой, осуществлять опеку над детьми и водить машину. В 1990-х годах много рассуждали о «пост-

^[2] Chela Sandoval, *Methodology of the Oppressed* (University of Minnesota Press, 2000).

^[3] Adele Murdolo, «Safe Homes for Immigrant and Refugee Women: Narrating Alternative Histories of the Women's Refuge Movement in Australia», *Frontiers: A Journal of Women Studies* 35:3 (2014), 146.

феминистском мире», где к услугам женщин оказались политическая власть, экономические возможности и культурные богатства. Однако уверенность в том, что феминизм выполнил свою задачу, существенно снизилась в последнее десятилетие, отмеченное экономическими трудностями, жестокими войнами и подъемом авторитаризма. В 2013 году видная нигерийская писательница Чимаманда Нгози Адичи, выступая на форуме TED Talks, заявила: «Мы все должны быть феминистками». Эти ее слова использовала в песне «Flawless» поп-идол Бейонсе (в 2013 году на ее концертах на задник сцены проецировали огромное слово «FEMINIST»). В Швеции текст речи «Мы все должны быть феминистками» вскоре после его публикации стали раздавать всем шестнадцатилетним. При этом в нынешних политических спорах преобладает антифеминистская и женоненавистническая риторика. В 2016 году Хиллари Клинтон, чью внешность много и жестко критиковали, проиграла президентские выборы в США. Она и другие политики-женщины подверглись оскорблениям со стороны Дональда Трампа (при этом о Карли Фиорина из своей же, Республиканской, партии он высказался так: «Посмотрите на это лицо!» и «Кто-нибудь проголосует за такое?»). Высказывания Трампа в начале 2017 года вывели миллионы женщин планеты из себя – и на улицу. После хвастовства Трампа, «хватавшего их [женщин] за киску», родился лозунг «Киска показывает когти» (*pussy grabs back*). Теперь на маршах и акциях про-

теста во всем мире можно увидеть розовую шапку с кошачьими ушами (*pussy hat*), напоминающую красный колпак, или колпак свободы, времен Великой Французской революции. В том же 2017 году редакция солидного американского словаря Merriam-Webster объявила, что самым популярным запросом на его сайте стал «феминизм». Согласно всемирному опросу, лишь в Японии большинство респондентов не согласились с утверждением: «Я одобряю и поддерживаю равные возможности для женщин. Я не только думаю об этих вещах, но заявляю об этом во всеуслышание и выступаю за то, чтобы участь женской части населения моей страны изменилась»^{4}. С учетом этих общественно-политических тенденций разговоры о постфеминизме кажутся неубедительными.

Появившийся в конце XIX века термин «феминизм» всегда вызывал споры. Американская юмористическая газета, заявившая, что феминизм – «новое имя волокитства», изобразила мужчину, оказывающего женщине нежелательные знаки внимания: «Мадемуазель! Не обращайтесь внимания – я *феминист*»^{5}. Потребовалось некоторое время для того, чтобы слово приобрело более устойчивое значение – «тот, кто выступает против несправедливого отношения к женщинам». Ребекка Уэст, начавшая в 1911 году (ей

{4} <https://www.ipsos.com/sites/default/files/2017-03/global-advisorfeminismcharts-2017.pdf>.

{5} Emporia Daily Gazette, Kansas, USA (27 November 1897), vol. 7.

было тогда двадцать лет) писать для феминистского журнала *Freewoman*, говорила, что ее называют феминисткой «всякий раз, когда я выражаю чувства, отличающие меня от коврика для вытирания ног». Тем не менее она (из-за опасения опозорить семью) печаталась под псевдонимом.

Не только женщин воодушевляли идеи равноправия, гендерная справедливость и перспектива иной жизни. На страницах этой книги мы встретимся с мужчинами, отстаивавшими права женщин, видевшими в успехе феминизма пользу для всех и нередко глубоко вовлеченными в борьбу. Сам термин «феминистский» вошел в употребление в конце XIX века, сменив идею *женского* движения более открытой, доступной для обоих полов самоидентификацией. В 1906 году в Париже месье Лежандр прервал встречу Международного совета женщин, заявив, что на ближайших местных выборах он станет кандидатом от феминисток. Делегатов это не впечатлило, и, по словам репортеров, Лежандра «безжалостно изгнали» из исключительно женского собрания^[6]. В XX веке он был не единственным мужчиной, искавшим на выборах поддержки у феминисток. Джордж Лэнсбери (впоследствии возглавлявший Лейбористскую партию) в 1906 году выставил свою кандидатуру с программой, предусматривавшей предоставление женщинам избирательного права, от Мидлсбро, а в 1913 году – от округа Боу и Бромли. Лэнсбери, которого оппоненты за-

^[6] The Times (18 June 1906), 6.

подозрили в желании ввести женщин в правительство, в обоих случаях проиграл, но своим убеждениям не изменил. В 1913 году он, поддерживая суфражисток, попал в тюрьму за подстрекательство к насилию и присоединился к голодовке, к которой часто прибегали в знак протеста женщины-заключенные. В эпоху, более близкую к нашей, активисты изготавливали футболки (в том числе мужских размеров) с надписью: «Так выглядит феминист(ка)». Этот лозунг в 2016 году подхватил бывший президент США Барак Обама. Но многие мужчины до сих пор относятся к профеминистской позиции с недоверием.

Для некоторых женщин и мужчин феминизм оказался революционным, скандальным, меняющим жизнь способом смотреть на мир. У других феминизм вызвал слепое отрицание, иронию и сомнения. Неимущие женщины, требующие социальной защиты, темнокожие женщины, протестующие против полицейского насилия и неприемлемых условий проживания, профсоюзные активистки из низов, добивающиеся равной оплаты и безопасных условий труда, мужчины из профеминистских групп часто выбирали другие названия: «антисексист», «вуменист», «активный участник борьбы за социальную справедливость» и так далее. Активисток, предпочитавших называться иначе, не следует относить к «феминисткам». Но их мотивы и причины, в силу которых они избегали называться именно так, важны для историков феминизма, и, описывая этапы борьбы с гендерной

несправедливостью, нужно учитывать и таких деятелей^{7}.

^{7} О некоторых концепциях феминизма см.: https://www.youtube.com/watch?v=H_GBrIntUq8.

Время феминизма

Феминизм обнаруживают даже в далеком прошлом – с переменным успехом, но тем не менее. Феминистками пытались объявить средневековую писательницу Кристину Пизанскую или даже Гипатию, философа из древней Александрии. Конечно, упомянутые нами исторические фигуры не мыслили в категориях феминизма, и неверно судить о них с наших идеологических позиций. Вместо этого стоит задаться вопросом: что они думали о мужчинах и женщинах, каких представлений придерживались? Деление человечества на два пола нельзя принимать как само собой разумеющееся. Относительно некоторых частей света неясно, существовало ли там четкое понятие женщины. Специалисты по китайской истории считают, что категория «женщины» (*fùnǚ*) – сравнительно позднее изобретение и прямо относится к семейному статусу и семейной роли. В цинском Китае женщины во многих случаях делились на «супруг» и «куртизанок», и это было очень серьезное различие. То же можно сказать об имеющем классовый характер делении на просто «женщин» и «леди» в Англии XIX века.

В силу местной специфики требования перемен в мире оформлялись очень по-разному. Там, где они звучали, феминистки выступали от лица различных организаций и на разные лады. Термины «женское движение» и «женский во-

прос» относятся к Европе, Северной Америке и Южной Америке XIX века. В начале XX века в странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки много спорили о «пробуждении женщин». В других местах в тот период предпочитали говорить о «новой женщине» – символе новых экономических и культурных возможностей для женщин. Китайские радикалы самыми разными способами требовали прав для женщины (*fùnǚjié*) и гендерного равенства (*nánnǚ píngděng*). Феминизм нелегко вписать в такого рода ландшафт, и его историки должны действовать осмотрительно, чтобы не упустить из виду нюансы локальных способов борьбы и активистских практик. Но было бы ошибкой рассматривать эти дискуссии и движения сугубо по отдельности, ведь их основные идеи нередко совпадали или же они черпали вдохновение друг у друга. Мы можем наметить сложные пути глобальной дискуссии об отношении гендера и власти и одновременно признать феминизм явлением, обусловленным историческим контекстом.

Хотя «феминизм» определяют очень по-разному, в начале XX века этот термин приняли во всем мире. Он может относиться к правам женщин, к деятельности по их расширению, защите, к требованиям равноправия. В 1904 году в Чили появился журнал *La Aurora Feminista* («Заря феминизма»). (Вышел единственный его номер.) В том же году Розика Швиммер (1877–1948) основала в Венгрии Феминистскую ассоциацию (*Feministák Egyesülete*). В 1905 году

в Буэнос-Айресе появился Феминистский центр. Организация *Asociación Feminista Filipina* была учреждена в 1905 году. Филиппинки считали, что феминизм отвоевывает для женщин место в обществе, способствует регулированию женского труда и предотвращает ранние браки^[8]. В 1910 году в Ла-Плате стал выходить журнал *La Nueva Mujer* («Новая женщина»), а в Буэнос-Айресе прошел Международный женский конгресс под лозунгом «Дайте нам работать». Латиноамериканские феминистки в первые годы делали упор на социальном обеспечении и государственной защите женщин. Критики называли феминисток *marimacho*: наполовину мужчинами, наполовину женщинами. Но понятие «феминизм» оказалось в достаточной мере широким для того, чтобы его приняли и такие религиозные консерваторы, как Лаура Корреа де Бустос. В 1907 году в уругвайской столице Монтевидео она опубликовала работу о «христианском феминизме»^[9].

Суфражистское движение, по мнению многих в Англии, считается выразителем настроений феминисток той эпохи. Однако сотрудницы английского журнала *Freewoman* называли в 1911 году свое издание «феминистским», чтобы указать на то, что их убеждения отличаются от убежде-

^[8] Mina Roces, «Is the Suffragist an American Colonial Construct? Defining "the Filipino Woman" in Colonial Philippines», в Louise P. Edwards and Mina Roces (eds.), *Women's Suffrage in Asia: Gender, Nationalism and Democracy* (Routledge, 2005), 29.

^[9] Asuncion Lavrin, *Women, Feminism, and Social Change in Argentina, Chile, and Uruguay, 1890–1940* (University of Nebraska Press, 1995), 26–36.

ний суфражисток. Прогрессивные редакторы *Freewoman* сочли, что термин «феминизм» применим к представителям обоих полов, а еще что в нем заложено отрицание традиционных политических институтов. Они жаждали фундаментальных, революционных преобразований. Одна из редакторов, Дора Марсден, заявила (спровоцировав скандал), что «вольнодумцы с винтовками» быстрее добьются уважения к себе. Предлагались и другие термины. Французские радикалки, стремясь отразить характер дерзких женщин, «освободившихся от всего, что доселе обременяло основную массу их товарищей», экспериментировали с понятием *éclairceuse* («зачинатель», «первопроходец», «застрельщик»)^[10]. Немецкоязычные активистки выбирали между «феминизмом» и *Frauenbewegung* («женским движением»), поскольку опасались, что первый термин имеет отношение к «свободной любви» или к воинственности английских суфражисток^[11]. Феминизм часто оказывался заимствованием, много где применявшимся для именования различных видов гендерной политики. Так, в 1910 году в Японии рассуждали о *feminizumu*. Российские активистки предпочитали именовать себя «равноправками» – по названию Всероссийского союза равноправия женщин, учрежденного в бур-

^[10] Mary Louise Roberts, *Disruptive Acts* (University of Chicago Press, 2002), 39.

^[11] Johanna Gehmacher, «In/Visible Transfers: Translation as a Crucial Practice in Transnational Women's Movements around 1900», *German Historical Institute London Bulletin* 41:2 (2019), 3–44.

ные дни революции 1905 года^[12]. По всему миру восхищались новым понятием «феминизм» – и одновременно видели в нем европейское и американское влияние.

Иногда приживались прозвища. В начале XX века английская пресса дразнила воинствующих активисток «суфражистками» (*suffragettes*), но те, кто швырялся камнями, отстаивая свое право голосовать, восторженно приняли это название. В 1970-х годах выражение *bra burners*, «поджигательницы бюстгалтеров», звучало как оскорбление, но активистки и сами придумывали себе вызывающие прозвища: Гарпии, Ведьмы, Лавандовая угроза, Монструозный полк, Общество по разделке мужчин.

Значение слова «феминистка» менялось, но оттенок значения, связанный со скандалом, никуда не девался. В 1970–80-х годах активистки нередко предпочитали говорить об «освобождении женщин», поскольку термин «феминистка» ассоциировался у них с либеральной повесткой реформаторов, с парламентской борьбой и избирательным правом. Во Франции феминистки, связанные с группой *Psych et Po* («Психоанализ и политика»), не принимали наименование «феминистка», видя в нем американское заимствование с конфликтными коннотациями, и предпочитали говорить о *femmes en lutte* («борющихся женщинах»), с акцентом

^[12] Natalia Novikova, «Early Historical Accounts of the Russian Women's Movement: A Political Dialogue or a Dispute?», *Women's History Review* 20:4 (2011), 509–519.

на женственности и материнских качествах. Японские активистки в конце XX века рассуждали о бесполом (*gender-free*) обществе. К XXI веку активисты по всему миру почувствовали необходимость постоянно вести феминистскую борьбу под другими флагами, и это привело к появлению таких терминов, как «интерсекциональный» или «трансинклюзивный» феминизм.

Несмотря на существование множества феминизмов все феминистки мечтали также и о движении, которое охватило бы всех без исключения женщин. («Помогая друг другу, в едином порыве» – гласил китайский транспарант на съезде Международного альянса за избирательные права женщин в 1913 году.) Эта фантазия парадоксальна: оторванная от реальности политическая повестка, стремясь к всеохватности, игнорирует конкретные исключения. Рассуждения о черном феминизме или чикана-феминизме иногда пытаются исправить эту проблему, но критики утверждают, что они просто маскируют вытеснение из феминистского мейнстрима темнокожих или американок мексиканского происхождения. В 1984 году писательница-афроамериканка Элис Уокер предложила термин «вуменизм» (*womanism*), принятый некоторыми темнокожими женщинами. С термином «вуменист(ка)» (*womanist*; для тех, кто желает избавиться от «man» в слове «woman», – *womynist*) та же проблема – приписывание своим требованиям всеобщего характера, – что и с «феминисткой». Однако это служит полезным напо-

минанием о естественных рамках и исключениях феминизма. Еще в 1866 году афроамериканская активистка Фрэнсис Уоткинс Харпер (1825–1911) лаконично заметила: «Вы, белые женщины, говорите здесь о правах, а я говорю о несправедливости». Уоткинс Харпер хотела, чтобы женское движение бросило вызов сегрегации в трамваях, но ее белые коллеги отказались рассматривать проблемы расовой дискриминации. Уоткинс Харпер – афроамериканка и бывшая домработница – заявила: «Я, цветная, получила в этой стране такое образование, из-за которого чувствую себя словно Измаил: руки мои на всех и руки всех на мне»^{13}. В 1897 году Уоткинс Харпер и другие афроамериканские активистки, в обстановке усиления расовой дискриминации предпочитавшие действовать порознь с белыми женщинами и не принимавшие феминизм в качестве программы, образовали Национальную ассоциацию цветных женщин.

Эти споры о названиях и принадлежности указывают на необходимость пристальнее взглянуть на исторически менявшиеся обозначения гендерного активизма и задуматься о том, какое влияние оказывают наименования. Нет нужды состязаться, выискивая самых первых или самых настоящих феминисток. Вместо этого мы можем выявить опыт дискриминации и различия между активистками, боровшимися за гендерное равноправие, и активистками, отстаивавшими

^{13} Frances Watkins Harper, «We Are All Bound Up Together»: speech at the 11th National Woman's Rights Convention in New York, May 1866.

социальную справедливость, и вспомнить их драматичные, мучительные или рассчитанные на дальнюю перспективу коалиции.

Хотя в наши дни интерес к выяснению смысла феминизма вернулся, важно понимать, что смысл этот многократно менялся. Феминистские символы и лозунги претерпевали изменения и подвергались ревизии в зависимости от аудиторией. Ниже я рассматриваю традиции феминизма в том числе исламского, «черного», коренного (*indigenous*) и лесбийского. Более спорным является причисление к приверженцам феминизма мужчин – с целью указать на давние споры о том, кого именно касается феминизм и кто вправе участвовать в этом движении.

Глобальная перспектива

Зачем рассматривать феминизм в глобальной перспективе? Его историю часто излагают с опорой на цивилизационную и евроцентричную модели. В рамках такого подхода феминизм можно возвести к европейским авторам XVII века, например к Афре Бен, Франсуаз Пулен де ля Барр и Саре Файдж, которые первыми увидели в женщинах «порабощенный класс». Этих авторов вдохновляли идеи духовного равенства женщин в русле протестантской религиозной традиции. Говоря о «порабощении», они редко имели в виду женщин, порабощенных в буквальном смысле, – невольниц с плантаций в обеих Америках и странах Карибского бассейна. Они начали искать способы, как можно обозначить непризнание опыта изнасилования и принудительного вступления в брак – впрочем, опять же, не указывая на широкую распространенность опыта такого рода среди рабынь. Историки феминизма нередко считают этих интеллектуалок предтечами движения. Считалось что затем, в конце XVIII века, эстафету у них принимают современницы революций в Америке и Франции: Эбигейл Адамс, Олимпия де Гуж и так далее. Де Гуж, автора «Декларации прав женщины и гражданки» (*Declaration of the Rights of Woman and the Female Citizen*, 1791), часто называют – вместе с английской писательницей Мэри Уолстонкрафт – зачинатель-

ницей феминистских споров и идей. Их влияние ощущалось в бурном XIX (когда широко развернулись кампании в защиту женского образования, предоставления женщинам права собственности и избирательного права) и XX столетиях. Лишь недавно в этом контексте стали упоминать таких деятельниц, как бывшая рабыня и поэтесса Филлис Уитли (ок. 1753–1784). Нередко историю феминизма выстраивают вокруг нескольких фигур матерей-основательниц – женщин в основном белых и образованных. Так создаются линии преемственности, не только чреватые ошибочным восприятием ранней феминистской мысли и деятельности первых феминисток, но еще и нацеленные на то, чтобы продемонстрировать, кто был «самым первым». Проще говоря, тексты – чем стариннее, тем лучше, лишь бы их можно было выдать за феминистские, – стали использоваться для закрепления национального приоритета, а белокожих граждан Франции, Англии, США и других империалистических государств стали рассматривать как предтеч феминизма.

Многолетние исследования глобальной истории поставили этот подход под сомнение. Историки предложили иные способы осмысления глобального, учитывающие альтернативные отправные точки и иных, кроме европейских и американских, идеологов. Моментом рождения феминизма можно считать 1799 год: тогда группа египтянок, взбуряженных протестами против французского вторжения в Александрию в 1798 году, собралась в Розетте (совр. Ра-

шид), чтобы обсудить условия трудоустройства женщин и их положение в семье. Другой отправной точкой мог бы стать 1792 год – момент, когда в Сьерра-Леоне было предоставлено пассивное избирательное право владелицам домашних хозяйств из коренных жителей (утраченное ими в 1808 году, когда страна стала английской колонией). В Новой Зеландии женщины из коренного населения и колонистки получили избирательное право в 1893 году – задолго до европейек и американок. В любом случае эти события позволяют поставить под сомнение приоритет европейских версий феминизма.

Глобальная история феминизма уделяет основное внимание крупномасштабным структурам и лежащим в их основе идеям, относящимся к «женскому вопросу», правам женщин, их эмансипации. Пристальное внимание уделялось влиянию империализма, например, на возникновение в XIX и XX веках женских движений и формирование такого мира, в котором население колоний было лишено свободы и гражданских прав. Жители покоренных колонизаторами стран, принуждаемые к труду, подвергались массовым переселениям. Во многих местах права женщин на владение землей и участие в торговле оказались ограниченными. Женщины из империалистических стран прибегали к риторике о расовом и цивилизационном превосходстве для того, чтобы поддерживать свою власть над обитательницами колоний. Они путешествовали в роли миссионерок, колонисток и жен,

описывали жизнь женщин не из западных стран и вмешивались (иногда во имя идеалов равенства или феминизма) в конфликтные ситуации, когда видели, что с теми обращались не должным образом. В последние десятилетия, когда империи стали рушиться, глобальное противостояние периода холодной войны способствовало формированию и расширению женского и феминистского активизма.

Для XIX и XX столетий также центральным событием было развитие национализма, и вопросы о статусе и свободах женщин нередко увязывались с дискуссией о национальном прогрессе. В этой дискуссии особое место отводилось проблеме отсталости как способу указать на неудовлетворительное положение женщин в той или иной стране. В Бразилии, например, феминистки пользовались образами эмансипированных, образованных европейек и североамериканок, чтобы призвать к модернизации страны или всего континента. В 1852 году в первой передовице редактор бразильского издания о правах женщин *O Jornal das Senhoras* («Дамский журнал») отметила:

Во Франции, Англии, Италии, Испании, США и самой Португалии предостаточно женщин, посвятивших себя литературе и сочиняющих тексты для разного рода газет. Выходит, одна лишь Южная Америка, держащаяся за свои представления, застыла в оцепенении, тогда как весь остальной мир шагает по пути прогресса – к моральному и материальному

совершенствованию общества?

Газету *O Jornal das Senhoras* открыла в Рио-де-Жанейро и редактировала Хуана Паула Мансо де Норонья (1819–1875), уроженка Аргентины. Мансо де Норонья видела в *O Jornal das Senhoras* платформу для деятельности во имя «совершенствования общества и моральной эмансипации женщин». В рамках своей риторики ей было удобно различать страны «развитые» и «отсталые», однако реформы, аналогичные английским, французским, американским и так далее (действительным или воображаемым), разворачивались и в Бразилии. Первое в Англии высшее учебное заведение для женщин – кембриджский Гёртон-колледж – открылось в 1869 году. Всего через десять лет, в 1879 году, бразильянки обрели право на получение высшего образования; в том же году французское государство решило организовать лицеи (то есть учреждения среднего образования) для девочек. Возможность предоставления женщинам избирательного права в Бразилии бурно обсуждалась Конституционной ассамблеей в 1891 году – одновременно с Англией и США. И все же, сетуя на отсталость своей страны, Мансо де Норонья была убеждена, что Европе необязательно играть ведущую роль – ведь «знамя просвещения гордо реет на благоуханном бризе тропиков»^[14].

Путешествия Мансо де Нороньи по миру напоминают

^[14] June Edith Hahner, *Emancipating the Female Sex: The Struggle for Women's Rights in Brazil, 1850–1940* (Duke University Press, 1990), 26–30, 209–210.

нам, что история феминизма не ограничивалась рамками одного государства, одного региона или империи. Проводниками влияния в глобальном масштабе выступают перемещающиеся по миру студенты, беженцы и трудовые мигранты. Например, в 1851 году в Англии Энн Найт из Женской политической ассоциации Шеффилда подала петицию о предоставлении женщинам избирательного права – после того, как она провела революционные дни 1848 года в Париже вместе с французской активисткой Жанной Деруан. А Жанна Деруан в 1852 году поместила в своем журнале *L'Almanach des Femmes* написанную за год до того статью Гарриет Тейлор-Милль «Предоставление избирательных прав женщинам». С развитием в XIX веке транспорта и коммуникаций некоторые женщины стали активно перемещаться по миру. Так, историк Бонни Андерсон проследила за путешествиями еврейской аболиционистки и суфражистки Эрнестины Роуз (1810–1892): Польша, Берлин, Париж, Лондон, Нью-Йорк. Роуз разорвала свой брак по расчету и погрузилась в социалистическую и феминистскую деятельность^{15}.

Получившие новый импульс историки тщательно реконструируют (по имевшей всемирное распространение периодике, съездам и конференциям, задокументированной деятельности союзов и федераций) процесс создания пространств транснационального взаимодействия. Иногда

^{15} Bonnie S. Anderson, *Joyous Greetings: The First International Women's Movement, 1830–1860* (Oxford University Press, 2001).

транснационализация намеренно носила тактический характер, например в виде всемирной мобилизации, предпринятой в XIX веке объединениями вроде Женского христианского союза трезвости. Международные организации (например, Международный совет женщин) способствовали укреплению таких важных элементов глобального управления, как комитет Лиги Наций по правовому статусу женщин (1937). Во второй половине XX века левофеминистская Международная демократическая федерация женщин построила аналогичную систему агитации и мобильности. Позднее это помогло устроить важные всемирные конференции ООН, посвященные положению женщин, в Мехико (1975), Копенгагене (1980), Найроби (1985) и Пекине (1995)^[16]. Подход глобальной истории позволяет заметить и взаимное влияние известных во всем мире текстов, и взаимосвязи между местными интеллектуальными традициями и традициями активизма^[17]. Так, значимая книга Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины» вышла в Англии в 1869 году, когда автор, депутат парламента от Вестминстера, пытался провести законопроект о предоставле-

^[16] Francisca de Haan, «Writing Inter-Transnational History: The Case of Women's Movements and Feminisms», в Barbara Haider-Wilson, William D. Godsey and Wolfgang Mueller (eds.), *Internationale Geschichte in Theorie und Praxis/ International History in Theory and Practice* (Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2017), 501–536.

^[17] Kathy Davis, *The Making of Our Bodies, Ourselves: How Feminism Travels across Borders* (Duke University Press, 2008).

нии женщинам избирательного права. Книгу быстро перевели на множество языков. Испанский перевод, выполненный в 1872 году Мартиной Баррос Боргоньо, напечатал чилийский журнал *Revista de Santiago*. Чилийское женское движение опиралось на тексты европейских авторов, однако сохраняло самобытность. В стране, где голосовать могли далеко не все мужчины, самым насущным вопросом было не предоставление женщинам избирательного права, а их защита от эксплуатации в промышленности, и это способствовало переосмыслению «порабощения» женщин по Миллю.

Феминизм стоит рассматривать не как систему заимствований, но как систему взаимовлияний, как диалог, причем ведущийся одновременно во многих регистрах. Собеседники находились в неравных условиях. Голоса одних звучали громче, другим не уделяли должного внимания^[18]. Специалисты по глобальной истории с помощью концепции «переплетенной истории» демонстрируют, как идеи, индивиды и тексты преодолевают границы, порождая многочисленные «пересечения». Так, Кэтрин Глиддл предлагает взглянуть на феминистскую историю как на нелинейную ризомоподобную структуру с множеством неожиданных точек роста, тупиков и закономерностей влияния^[19]. Беседа растяну-

^[18] Метафора «радиоволн» Нэнси Хьюитт с замечательной точностью отражает идею звучащих с разной громкостью голосов феминисток. См.: Nancy A. Hewitt (ed.), *No Permanent Waves: Recasting Histories of U. S. Feminism* (Rutgers University Press, 2010).

^[19] Kathryn Gleadle, «The Imagined Communities of Women's History: Current

та во времени: феминистки и другие активистки продолжают критический диалог с текстами из прошлого и творчески трансформируют содержащиеся там идеи. Якобы самой самой разумеющийся приоритет образованных белых американок и европейек оказался мифом^[20]. Ниже я подчеркиваю особые, местные сочетания идей, способствовавших развитию и конкуренции феминистских проектов, идей и действий. Иногда следы влияния едва заметны, но с той же вероятностью возможно и отторжение, и новации. Вместо того чтобы искать истоки в Европе, я работала с более широкой концепцией «мозаичного феминизма», конструируемого из унаследованных элементов и предлагающего своеобразные паттерны и картины. Подобно взгляду на мозаику издали и вблизи, рассмотрение течений феминизма в разных перспективах может дать очень различный результат. Как и мозаика, феминистские коалиции составлялись из тех кусочков, которые оказывались доступны: из других движений, вовлеченных участников, поступков и идей. Одни мозаики оказались прочнее, прочие рассыпались, некоторые детали потерялись, а другие снова пошли в дело.

В этой картине Европа утратила привычное центральное положение, а мировая история подверглась «провинциали-

Debates and Emerging Themes, a Rhizomatic Approach», *Women's History Review* 22:4 (2013), 524–540.

^[20] Kathryn Gleadle and Zoe Thomas, «Global Feminisms, c. 1870–1930: Vocabularies and Concepts – A Comparative Approach», *Women's History Review* 27:7 (2018), 1209–1224.

зации» – посредством включения в нее иных сетей и мест. (Например, приютившая в начале XX века китайских диссидентов Япония оказалась площадкой интенсивного взаимодействия.) Мы познакомимся также с активистами международного масштаба и авторами, писавшими о проблемах борьбы за избирательное право, за мир и за трезвость, об антиколониализме. Эти авторы вытеснили тех, кто не вышел за рамки национального государства. Я буду чередовать широкие обзоры феминистских убеждений и кампаний с детальными очерками жизни отдельных женщин, которые боролись с гендерным неравенством. Таким образом я намереваюсь выявить возникавшие в истории важные способы толкования феминистских практик и идей. На меня повлияла концепция «политики в трещинах» Кимберли Спрингер, и я предлагаю рассматривать не только составляющие мозаику фрагменты, но и пространство между ними. В работе об организациях темнокожих феминисток (Альянсе женщин третьего мира и других) Спрингер описывает политику, творимую в «трещинах» – в свободное от работы и бытовых забот время. Мобилизация темнокожих женщин также располагается в пространстве между движением за гражданские права и женским движением и иногда творчески, а иногда просто странным образом демонстрирует пересечения классового, гендерного и расового характера^[21]. «Трещинная» политика

^[21] Kimberly Springer, *Living for the Revolution: Black Feminist Organizations, 1968–1980* (Duke University Press, 2005).

Спрингер привлекает наше внимание к заботам, которые едва принимаются в расчет существующей феминистской политикой, а также к возникающим вследствие этого перспективам и трудностям. Таким же образом можно задаться вопросом, что же делает мозаику прочной, а что ее разрушает. Или же выяснить, как мечты и кампании, пространство и среда, эмоции и песни выступают тем «цементом», который придает феминистской политике историческую форму; со временем его прочность слабеет, так что какие-то фрагменты мозаики могут выпасть – и составить новые рисунки.

Метафоры мозаики и беседы придают феминистским дискуссиям положительные коннотации. Но важно удерживать в поле зрения также и свойственные феминизму раздоры, жестокость и напряженность. По замечанию философа-феминистки белл хукс, «женщины могут участвовать и участвуют в политике доминирования – как субъекты и как жертвы»^[22]. Примерно в тот же исторический период, когда на первый план вышли «женский вопрос» и феминизм, возникли некоторые основанные на насилии и подчинении глобальные системы – например, империализм, миссионерский и переселенческий колониализм, кабальный труд, национализм. Мир никогда не был местом свободного передвижения для всех. Теперь, в XXI веке, мы можем оценить прошлое феминизма в глобальной перспективе, однако сами ге-

^[22] bell hooks, *Talking Back: Thinking Feminist, Thinking Black* (Sheba Feminist, 1989).

рои и героини исторических событий такого преимущества не имели. Историк Мриналини Синха настаивает: глобальная история феминизма не только придает картине множественность – так, что мы начинаем видеть разные «феминизмы»^{23}. Наш рассказ о разновидностях феминизма должен учитывать, как это сформулировал Синха, «несходные истории женских движений» – отмеченные соперничеством, конфликтами и борьбой за власть.

^{23} Mrinalini Sinha, «Mapping the Imperial Social Formation: A Modest Proposal for Feminist History», *Signs* 25:4 (2000), 1077–1082.

Теория, практика и применимость

Чему различные течения феминизма служили в прошлом? Какую пользу можно извлечь из них сегодня? Концепция «применимой истории» предлагает нам способ осмысления прошлого в диалоге с настоящим – такой истории, которая, демонстрируя, как в прошлом формулировались проблемы и организовывались различные кампании, может помочь прояснить актуальные вопросы феминистской стратегии и определить приоритеты в наши дни. Феминистская теория и практика повлияли на распределение домашнего труда, трансформацию воспитания детей и образования, на искусство и музыку, на категоризацию труда и систему вознаграждения за него, на функционирование правоохранительных органов. Мы не намерены утверждать, что история допускает прямые повторы, однако есть смысл в том, чтобы оглянуться на прошлое феминизма и поискать там истоки нынешних проблем. Мы можем задаться вопросом, кто в истории мог относиться к феминисткам, а кто нет. Что же феминизм изменил в положении отдельных людей, обществ и стран?

Размышлять о применимости теорий феминизма к жизненной практике не означает, что его прошлое следует изучать лишь ради вдохновения. Мы также можем прояснить многие нюансы относительно того, как, скажем, в конце

XVIII века на феминизм повлияла религия или как в начале XX века государственное строительство породило особые условия для развития женских движений в Китае и на Ближнем Востоке. Применяемая история не приступает к прошлому с нынешними мерками. Концепция «применимости» позволяет проследить, как феминизм использовали в риторическом, идейном и практическом отношениях, как он стал частью жизненного мира героев исторических событий^[24]. Каждый читатель неизбежно поставит собственные вопросы и сам решит, что для него полезно и удобно. Применимый феминизм обязан быть недоктринерским, допускающим изменения, сохранить свою обусловленность (но не фаталистическую) столкновением прошлого с настоящим.

В прошлом феминизма могут присутствовать аспекты, которые сегодня заставляют нас чувствовать себя неловко. Однако концепция применимости признает необходимость исторического фундамента современного активизма^[25]. Феминистки давно уже находятся в странном по отношению к своей истории положении. Желание взбунтоваться, провозгласить наступление новой эпохи и расстаться с грузом прошлого периодически приводит к отказу от идейного наследия матерей и бабушек. Современные феминист-

[24] «Применение» критически осмыслено Сарой Ахмед. См.: Sara Ahmed, *What's the Use? On the Uses of Use* (Duke University Press, 2019).

[25] Kathleen A. Laughlin et al., «Is It Time to Jump Ship? Historians Rethink the Waves Metaphor», *Feminist Formations* 22:1 (2010), 97.

ки, в чьем распоряжении оказались новые инструменты – например, социальные сети, – могут решить, что кампании #Cuéntalo (исп. «Расскажи») или #MeToo очень отличаются от феминистских кампаний в прошлом. При этом для феминистских движений всегда был важен исторический аспект, иногда отмеченный ностальгией по прошлому. И, лишь оглянувшись назад, замечаешь определенные общие темы, такие как сексуальные домогательства на рабочем месте и на улице, отпор мужскому насилию, безнаказанность и оскорбительно-пренебрежительное отношение к женщине.

Для многих книга об истории феминизма окажется (по крайней мере, отчасти) чем-то вроде интеллектуального приключения. Феминизм всегда был – среди прочего – еще и приглашением всерьез задуматься, как и почему устроено общество, почему у мужчин (у *некоторых* мужчин) голос громче, чем у женщин, и больше возможностей и власти. Теоретики феминизма осмыслили главные идеи своего времени – и оспаривали представления о либерализме, взгляды на общественный договор, демократическую гражданственность, государство и народ, а также идеи социалистической революции. Феминизм, во многом пересекающийся с анархистской критикой, внес свой вклад в изучение экологии, богословия и критической расовой теории. С расширением в конце XX века доступности высшего образования феминизм почти во всем мире стал неотъемлемой частью науки. Но теория рождалась также и на переднем

крае протеста, в момент роста самосознания, в ходе конкретных выступлений и кампаний, и нередко она была нацелена на практику – непосредственное применение в протестной деятельности, а также на достижение ощутимых изменений в жизни конкретных людей.

В последние двадцать лет способы рассказывать об истории изменились, их стало больше. Пышным цветом расцвела «культуральная история». Развиваются новые подходы к изучению (назову всего несколько областей) материальной культуры, пространств, капитализма и эмоций. В этой книге они учтены. Новые подходы выводят историю феминизма за обычные рамки интеллектуального и социального анализа движения. Рассказывая здесь о феминистских движениях двух последних столетий, я не придерживаюсь хронологического порядка: это невыполнимая задача. Вместо этого я наметила несколько новых отправных точек, привязанных к свежим, новаторским подходам к изучению истории. В главе 1 (о феминистских мечтаниях) сделан акцент на литературоведческом и психоаналитическом способе осмысления материала, в рамках которого наши сновидения и их неосознаваемая созидательная работа рассматриваются с должной пристальностью и серьезностью. Глава 2 посвящена теоретическим ресурсам, созданным феминистками в ходе обсуждения того, как понятие патриархата и другие понятия отражают в общественном устройстве устойчивые гендерные модели. Кроме того, оценивается влияние старинных интел-

лектуальных традиций, например республиканской, и более современных концепций интерсекциональности и сексизма. В главе 3 (меня вдохновил растущий интерес ученых к тому, как место и пространство влияют на общественные движения) рассматривается концепция феминистского пространства. Здесь феминизм осмысляется в связи с местами работы, отправления культа, и я фиксирую историю попыток организовать убежища – безопасное для женщин пространство. В главе 4 я рассматриваю некоторые феминистские объекты. Прежде историки видели в феминизме идеологию, отраженную в лучшем случае в биографиях. В этой главе на первый план выходит материальная и визуальная культура феминизма: политические заявления, демонстрируемые в виде значков и плакатов, а также предметы обихода наподобие книги и шляпной булавки – прозаичные, но обладающие определенной силой воздействия. В главе 5 я включаю в материальную культуру феминизма костюм и моду. Глава 6 опирается на новые исследования эмоций, позволяющие проанализировать порождаемые феминизмом чувства. Глава 7 напоминает о деятельности активистов – важном аспекте, всегда присутствовавшем в истории феминизма. Я рассмотрю, каким образом осуществлялся протест – в телесной и пространственной сфере. В главе 8 исследуется звуковая сторона феминизма: связанные с деятельностью активистов речовки, песни и разного рода музыкальное новаторство.

Эти новые перспективы связывают историю феминизма

с некоторыми из самых передовых областей исторического исследования и радикально меняют наше представление о практике феминизма. Они ведут нас по континентам и демонстрируют, почему к феминизму неприменимы универсальные определения, игнорирующие контекст, время и место. Взамен я предлагаю рассмотреть «феминизмы», проявлявшиеся на земном шаре в последние два с половиной века. Найденные мной материалы в меньшей степени касаются требований гендерного равенства и в большей – гендерной справедливости, то есть таких условий, которые пойдут на пользу всем. К этому могут относиться самые разные вещи: справедливая оплата труда, изгнание захватчиков-колониалистов или принятие природы женского божества. Иногда это ведет к конфликту между феминистскими целями и мечтаниями. Я считаю, что мы можем обрести вдохновение в прошлом феминизма, а кроме того, лучше понять, почему «быть феминистками» – призыв Чимаманды Нгози Адичи ко *всем* – никогда не будет простым делом.

Глава 1. Мечты

В 1990-х годах, когда я, приступив к изучению истории феминизма, училась в магистратуре, случайная встреча на вечернем семинаре заставила меня глубоко задуматься о том, мечты какого рода вдохновляют феминисток. Рядом со мной сидела старшая коллега, и мы наблюдали за спором о феминистской философии. Не исключено, что наблюдала только я сама, но, так или иначе, хорошо запомнила ее носки радужной расцветки, с отделением для каждого пальца, на манер перчаток. Эта женщина показалась мне восхитительно неконвенциональной. Мы разговорились о феминизме, и меня шокировало ее замечание о том, что феминизм искоренит гендерные различия. Моя собеседница мечтала о таком мире, в котором категории «мужское» и «женское» просто окажутся лишними. Теперь, когда – осторожно или решительно – утверждаются гендерквир, трансгендер и гендерная нейтральность, эта мечта шокирует в меньшей степени, да и мои собственные воззрения сделались менее традиционалистскими. Однако в тот момент (очень для меня важный) мне стало очевидно разнообразие связанных с феминизмом утопических надежд, а также мой собственный вклад в разработку имеющихся категорий мужского и женского. Мечты – эффективный способ позволить сознанию допустить возможность изменений и инаковости. Писатель-

ница Мэри Уолстонкрафт в конце XVIII века назвала мечты «сумасбродными желаниями»: по ним можно судить о том, что именно приводит женщин и мужчин к феминистскому сознанию.

Мечты дают очень личное, глубокое представление о том, что может стать стимулом феминистской деятельности. Здесь важен контекст, в котором находится мечтатель: его семейные обстоятельства, род занятий, круг чтения, эмоциональное состояние. Но мечты привязаны также и к историческому моменту – и обусловлены контекстом, скажем, оккупации, революции, урбанизации или массового голода. Можно предположить, что феминистки начинали с малого, например с мечты о равноправии мужчин и женщин или о приобретении некоторых прав (опеки над ребенком и так далее), однако и беглое знакомство с набором феминистских идей XVIII–XIX веков свидетельствует кое о чем еще. Дерзость и поразительную неортодоксальность проектов гендерного порядка той эпохи подтверждают мечты Шарля Фурье (1772–1837) и его последователей. Фурье утверждал, что человеческое счастье зависит от осмысленного труда и свободного изъясления желания, и размышлял об испорченных нравах собственной эпохи:

Что такое молодая женщина, как не товар, дожидаящийся купца, который предложит самую высокую цену? Неужели не изводят ее с детства предрассудками и не принуждена ли она согласиться

на любой брак, устроенный для нее? Ее пытаются убедить, что она связана не более чем цепью из цветов. Но в самом ли деле может она усомниться в своем падении?^{26}

Недовольный этим положением Фурье рисует феминистскую мечту: в идеальном обществе Гармонии все без исключения – мужчины, женщины, дети – заняты творческим, привлекательным трудом, причем они выбирают для себя разнообразные задания в соответствии со своими наклонностями. Что касается половых отношений, то люди будут вольны сделать «массу любовных открытий, которые мы пока и вообразить не можем». Женщины участвуют в управлении Гармонией, которая, по мысли Фурье, охватит весь земной шар. Но средства, с помощью которых можно реализовать эту мечту, определены им недостаточно ясно, и именно поэтому позднейшие мыслители сочли его идеи утопией, а не серьезным социалистическим проектом. В 1830–40-х годах последователи Фурье во Франции, Испании, Алжире, США и других странах выступали за отказ от брака, частной собственности и привычного понимания материнства в пользу «равновесия страстей». Неконтролируемые эксперименты в общинах фурьеристов напоминают нам, что феминистское мышление отличалось в прошлом не меньшим

^{26} Charles Fourier, «Marriage and the Family System», quoted in Charles Fourier, Jonathan Beecher and Richard Bienvu (ed. and trans.), *The Utopian Vision of Charles Fourier: Selected Texts on Work, Love, and Passionate Attraction* (Beacon Press, 1971), 177.

радикализмом.

В этой главе я рассмотрю некоторые из разнообразных источников и пространств феминистского фантазирования, в том числе такие, которые пропагандируют отделение женщин от мужчин, помещают в сердцевину проекта любовь и сексуальность либо «прогресс человеческого рода». Хорошо продуманные литературные или научно-популярные фантазии здесь соседствуют с проявлениями бессознательного, с беспорядочными обрывками сновидений. Мечты – это и пространство безграничной фантазии, и симптом скрытых тревог и конфликтов, которые часто сопровождают мысли о новой жизни.

Ледиленд и Её-ленд

В 1905 году 25-летняя жительница Бенгалии Рокейя Сахават Хоссейн [Рокейя-бегум] (1880–1932) опубликовала «Сон Султаны» (Sultana's Dream) – феминистскую утопию, фантазию о технически развитой стране Ледиленд (*Ladyland*). Здесь мужчины пребывают в изоляции, в гаремах, а женщины, снявшие покрывала, заняли их места. Ледиленд – похожее на сад место, где широко применяются технические достижения, а также знания и навыки женщин. Рокейя-бегум описала возглавляемые женщинами университеты Ледиленда, исследования которых позволили создать экологически устойчивое сельское хозяйство. В Ледиленде у женщин в избытке воды – это автор подчеркивала особо. Ее сочинение явно создавалось под влиянием могольской культуры и садового искусства, а также на основе собственных наблюдений Рокейи-бегум за хищническим отношением к природе в Индии в эпоху британской оккупации. В «настоящем мире», утверждала Рокейя-бегум, мужчины поставили науку на службу войне. Правительницы Ледиленда, впрочем, тоже были сильны и полны решимости отстаивать собственные земли. Рокейя-бегум описывает, как они используют тепловое оружие, чтобы сокрушить армии соседей-мужчин. Интересно, что проект Ледиленда не был светским. Религиозные воззрения родившейся в мусульманской

семье Рокейи-бегум отличались оригинальностью. Она говорила о религии, опирающейся на любовь и истину, и писала о пересмотре «священных» отношений. В Бенгалии «священные узы» объединяют близких родственников, а браки между ними запрещены. Рокейя-бегум в шутиливой манере уверяла, будто в Ледиленде круг «священных» отношений расширен, как если бы все его население образовывало «семью», и мужчины и женщины взаимодействуют свободно, безо всякого сексуального подтекста. Рокейя-бегум критиковала затворничество (*purdah*) женщин и ношение покрывал, но не считала ислам культурой исключительно запретов. Как и многие, она исходила из идеи восстановления прав женщин, признаваемых исламом: «То, чего мы хотим, – не милость, не одолжение. Мы лишь требуем то, что ислам дал нам 1300 лет назад»^[27].

Рокейю-бегум раздражало никак явно не оспариваемое согласие бенгальских мусульманок носить паранджу: «Почему вы позволяете заткнуть себе рот? Вы пренебрегли долгом перед самими собой и утратили свои естественные права...» Она решительно поддерживала женское образование, усматривая в нем путь для современниц к свободе, и сама сделала карьеру в сферах социальной помощи и женского об-

^[27] Cited in Shirin Akhtar, «East Bengal Women's Education, Literature and Journalism», in Francisca de Haan et al. (eds.), *Women's Activism: Global Perspectives from the 1890s to the Present* (Routledge, 2013), 110.

разования^[28]. Для Рокейи-бегум практика держать женщин взаперти и заставлять их носить покрывало была «тихим убийцей – наподобие угарного газа». Взгляды Рокейи-бегум, отвергавшей покрывало, не противоречили взглядам большинства колониальных исследователей, считавших примитивными или варварскими женское затворничество у мусульман и детский брак и обычай *sati* у индуистов. Рокейя-бегум предпочла написать «Сон Султаны» по-английски, а напечатал эту утопию *Indian Ladies Magazine*, христианский журнал на английском языке. Сам этот выбор показывает, что своей аудиторией Рокейя-бегум видела образованные колониальные элиты. Она полагала себя частью «коренной» элиты, стремившейся «реформировать» обычаи Британской Индии. Тем не менее Рокейя-бегум активно печаталась и в изданиях на языке бенгали, а еще она открыла отделение благотворительной организации для мусульманок Anjuman-e-Khawateen-e-Islam. Она также начала переводить и использовать прогрессивные феминистские тексты из Афганистана и Англии, а в межвоенный период устраивала кампании за образование женщин^[29].

Образ самоуправляющейся женской общины у Рокейи-бегум во многом сходен с фантазиями ее современницы со всем с другими корнями. Шарлотта Перкинс-Гилман (1860–

[28] Bharati Ray, *Early Feminists of Colonial India* (Oxford University Press, 2012).

[29] Barnita Bagchi, «Ladylands and Sacrificial Holes», in Barnita Bagchi (ed.), *The Politics of the (Im)Possible: Utopia and Dystopia Reconsidered* (Sage, 2012).

1935) – одна из самых известных и влиятельных феминисток начала XX века. Она занималась неимоверно широким кругом проблем, выступая в том числе за реформу костюма, предоставление женщинам избирательного права, сексуальную реформу, регулирование рождаемости и контроль над проституцией. Подобно Рокейе-бегум, Перкинс-Гилман видела в феминизме мечту о лучшем будущем. Родственники ее отца – известные борцы с общественными пороками (двоюродной бабушкой была аболиционистка Гарриет Бичер-Стоу). Увы, отец Шарлотты бросил семью, и ее детство прошло в бедности и социальной изоляции. Брата отправили в колледж, Шарлотту – нет, и ей пришлось заботиться о себе даже после того, как она вышла замуж (1884). Материальные трудности обострились после того, как в 1888 году Шарлотта ушла – довольно необычный поступок – от супруга. Находчивость и изобретательность сослужили ей хорошую службу: она сумела стать чрезвычайно плодотворной писательницей. С 1909 по 1916 год Перкинс-Гилман в одиночку издавала ежемесячник *Forerunner*, причем не только сама сочиняла все передовицы, статьи, книжные рецензии, стихи и рассказы в журнале, но и делала рекламу. Вот ее пылкое признание 1909 года висконсинской Holeproof Hosiery Company: «Я носила, носила, носила их, пока эти бессмертные, неуязвимые, неестественно целые чулки не наскучили мне так, что я выбросила их!»

Перкинс-Гилман пропагандировала феминизм без фа-

натизма, стремясь увлечь за собой «обыкновенных» читательниц. Она называла феминизм формой гуманизма, способствующей «развитию у женщин человеческих качеств и характера». Выбор легкого жанра помог Перкинс-Гилман представить альтернативы экономической зависимости женщин. Самая сложная ее утопия, «Её-ленд» (*Herland*), увидела свет в 1915 году, через десять лет после публикации книги Рокейи-бегум о Ледиленде. Книга «Её-ленд» написана в период, когда суфражистская кампания столкнулась со многими трудностями, связанными с катастрофическими событиями Первой мировой войны. Перкинс-Гилман нарисовала исключительно женскую общину, в которой «расовая работа» по усовершенствованию человечества осуществляется без ограничений, накладываемых мужским доминированием. На Перкинс-Гилман оказали значительное влияние теории матриархальной («гинекоцентрической») культуры как ранней формы социума. Социологи и этнографы полагали, что в древнейших обществах кровное родство и формирование собственности обусловили свержение мужчинами власти женщин. Так появилось «андроцентричное», по выражению Перкинс-Гилман, общество, в котором мужчины подчинили себе «паразитирующих», неработающих женщин.

Согласно Перкинс-Гилман, этот этап эволюции человека пройден. Женщины, как и «раса», выиграют, если общество станет более эгалитарным. Основанный на любви

половой отбор приведет к возникновению «высшей расы». «Её-ленд» – способ представить, как именно все это может случиться, а также поразмышлять о возможных последствиях. В научно-фантастическом романе Перкинс-Гилман повествует об одном утопическом южноамериканском обществе, где еще в далеком прошлом женщины истребили мужчин. Через два тысячелетия партеногенеза (однополого размножения), когда на свет являлись одни девочки, общество Её-ленда выработало гуманистические ценности. Женщины там умны, физически активны и совершенно независимы от мужчин. Превыше всего ценится материнство, в том числе «социальное», то есть забота об обществе:

Желанное материнство – не исключительно личное счастье, а надежда страны... Всякая девушка дорожит им, считает его беспредельной радостью, высшей честью, самым сокровенным, самым личным, самым драгоценным.

Секса в Её-ленде нет. Одежда жителей необременительна и приятна глазу. Обитательницы страны не носят шляп, у них «короткие волосы... не забранные и блестящие; [их] костюм, сшитый из некоего легкого и прочного материала, ближе всего к длинной тунике с бриджами и дополняется обрезанными гетрами». Неизменно практичная, Перкинс-Гилман отдельно оговаривает, что в этом идеальном костюме непременно наличествуют и большие карманы. Быт коммунальный: в распоряжении каждой обитательницы Её-

ленда – собственные спальня, гостиная и ванная. Эта мечта, вероятно, позволяла Перкинс-Гилман (которой после распавшегося брака пришлось отказаться от опеки над дочерью и которая вела полукочевую жизнь, читая лекции и произнося свои пламенные проповеди в арендованных комнатах и квартирах) сохранять надежду на перемены.

Роман Перкинс-Гилман – не только хвалебная песнь образу жизни, ориентированному на женщину. Сюжет построен вокруг открытия Её-ленда тремя мужчинами-американцами и их попытками вовлечь его обитательниц в супружеские отношения. Попытки соблазнить женщин бижутерией ни к чему не привели, и планы пришельцев, признается рассказчик-мужчина, быстро провалились:

Джефф со своими благодушными, старомодными романтическими представлениями о женщинах как о существах слабых и беззащитных. Терри с прозаическими соображениями о том, что есть две категории женщин – те, кого он возжелал, и те, кого нет.

Жительницы Её-ленда окружают незваных гостей –

в большом количестве, явно безразличные к тому, что те об этом подумают, и явно имеющие по отношению к ним некое намерение – причем явно способные это свое намерение выполнить.

Рассказчика удивляет их облик:

Рыбачки и рыночные торговки могут продемонстрировать подобную же силу, однако они

грубы и неуклюжи, тогда как эти женщины выглядели прирожденными спортсменками – легкие и сильные.

Попытки мужчин при помощи оружия заполучить себе жен проваливаются, пришельцы попадают в плен и приучаются относиться к обществу Её-ленда с должным уважением, в том числе к принятым здесь формам «высшего товарищества». В конце концов мужчины породнились с женщинами Её-ленда. Перкинс-Гилман описывает, как до них постепенно доходит мысль о том, что «гиперженственность» старого мира, возможно, вредит как женщинам, так и мужчинам.

В своих публикациях и лекциях Перкинс-Гилман постоянно подчеркивала заинтересованность обоих полов в феминистских преобразованиях, основанных на взаимной любви и уважении. Но она помнила, насколько это положение ненадежно, и в «Её-ленде» подняла вопрос об изнасиловании в браке – и это в ту эпоху, когда мужья могли игнорировать согласие жен при полном одобрении судей (лишь к 1993 году положение изменилось во всех штатах и на всех территориях США). У Перкинс-Гилман один из гостей-американцев, Терри, пытается осуществить свое «супружеское право» против воли обитательниц Её-ленда, объясняя это тем, что «еще не бывало женщины, которой не нравилось бы, чтобы ее ПОКОРЯЛИ». Но попытка Терри навязать жене секс приводит в финале к изгнанию из Её-ленда всех троих мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания